

ЛАМИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Однажды фей волшебных стайка
Великодушно допустила
Сатира с нимфой без утайки
Из леса выйти и смутила
Дриад и фавнов – первоцветных,
Глухих, нехоженных полянок,
Омытых ливнями и светом,
Лесных жильцов и поселянок.

Сатир и нимфа перед тронем
Эльфического Оберона.
Украшен был король, но карлик
Огромным драгоценным камнем.
Триждывеликий Трисмегист
Назвал единым верх и низ,
Взяв псевдоним себе Гермес,
Унёс в непроходимый лес
Огонь богов, огонь Олимпа...
Пред Обероном пляшет нимфа,
И мохноногого-козлоногой
Сатир показывает роги.
Гермес в опаснейшей дороге.

Воспользовавшись общей смутой,
Враг чести Эрмия попутал,
И он с Юпитеровых круч
Сбежал, схватив огонь Олимпа,
На нашу сторону от туч.

Все три миллениума Тот
Учил, как жить в песках Египта,
Дабы впустую не пропасть...

Наследник – грек уже крадёт
И пишет хитрые рескрипты,
А римлянин Меркурий ждёт
Три века очереди красть.

Давайте глянем на Гермеса,
Пока не убежал из леса.

Всех судий за нос вокруг носа
Водить – вот ремесло его –
Нет в мире дерзости износа!
Юпитеру-то каково?!

Был страшен в ярости и грозен
Суровый, главный из богов.
Он взглядом жёг или морозил
По произволу своему.
Боясь с Верховным встречи взглядом,
Гермес не пролетал и рядом,
А просто сунул свет в суму,
И был таков!
Каков маршрут крылатых пяток
И крыльев вместо двух лопаток?
Известно всем – на берег Крита –
Там нимфа обитала скрыто.
Парнокопытные сатиры –
Скоты-флейтисты и задиры,
Упав на локти и колени,
Изнемогли от вожделений.

Дочь Афродиты из Коринфа,
Неподражаемая нимфа

Обыкновение имела
 Своё божественное тело
 Ежевечерне омывуть.
 Холоднокровные тритоны,
 Готовы жизнью рисковать,
 Покинули свои затоны.
 И где она была иль будет,
 Где новый день её пробудит,
 Где пробежит клочок земли
 Своими длинными ногами,
 Они шкатулки с жемчугами
 В раскрытом виде нанесли.
 Таких и музы не имели.
 Гермес поверил: «В самом деле,
 Не зря я крал небесный свет!
 Свидетелей, удачно, нет!
 А кто подобного достоин?
 За свой поступок я спокоен».

И в свете света оперенье
 Зарделось в первое мгновенье
 С крылатых пяток до ушей,
 Ушей петлисто бесподобных,
 Покрытых золотом кудрей,
 Рассыпавшихся за плечами.
 Он землю изучал подробно,
 Без роздыха – не спал ночами.
 Любви вдыхая канитель,
 Искал он тайную постель.
 Кругами он от леса к полю,
 От речки к речке, вдоль долин...
 Уверен, только он один
 Любить, владеть и видеть волен.

Кто б ослепленный мог без слёз
 Взглянуть на россыпь алых роз
 Над златокудрою макушкой.
 На свет ни мотылёк, ни мушка
 Не думали и посмотреть,
 Не то что ближе подлететь.

Он будущему верил счастьем,
 Летал, искал и изнемог,
 Измучен ревностью и страстью,
 Присел на холм, не чуя ног.
 В лесной глуши уединённый
 Сидел задумчивый влюблённый,

Подозревал лесных богов,
 И даже хвойные деревья,
 Пучину рек без берегов,
 Замшелый камень в почве древней...

Когда подумал, что она
 Вообще не будет найдена,
 Услышал тонкий, точно волос,
 Печально-одиноким голос:
 «Когда я из могилы выйду,
 Когда вернусь в прекрасном теле,
 Несправедливость и обиду
 Забуду я на самом деле,
 Несчастливая, я стану вновь
 Радеть за счастье и любовь».

Бог, оперённый, взад пятками
 По зарослям заколесил,
 Пыльцу руками и ногами
 С растений яростно трусил.
 Измял траву, сломал кустарник,
 Но встретил – не мечту свою,
 А узел радуг очень странный –
 Невиданной красоты змею.

Тот узел гордиев искристый,
 Зелёный, синий, неземной,
 Как зебра полосат, пятнистый,
 Как леопард в глуши лесной,
 В глазах павлиньего наряда
 Меж серебристых полулун,
 Раздвоенный и полный яда
 Язык малиновый мелькнул...
 Нет, это фея, нет – наяда
 Вину отбить осуждена,
 И мукой мучится должна.

Быть может, демонов царица,
 Да и сама, возможно, – бес.
 Над гребешком огонь искрится,
 Звездами сбрызнутый с небес.
 Над ней тиара Ариадны,
 Нет лучшей, нет такой иной...
 Ах, горько-сладкий и отрадней
 Рот чудной женщины земной,
 И в мученической grimase
 Рот, полный жемчуга, прекрасен.

Но всё же голова змеи!
 Сицилианской Прозерпиной
 Чужой, отторгнутой земли –
 Всё отражал прекрасный взгляд.
 Кого сразит любви лавина,
 Тот не найдёт пути назад.
 Тем более, Гермес услышал
 В своём стремленье волю свыше.

Змеиным горлом пелась песня
 Любви, и страсти, и тоски.
 Слов нет обычной и известней,
 Но небеса ему узки.
 Сражен летающий Гермес.
 Таков у сокола обычай –
 Сложив крыла, упасть с небес,
 Схватить до времени добычу.

Пока ещё добыча пела:
 «Гермес, одетый в перья-перлы.
 Осталось времени в обрез.
 Ты торбу солнца мне подаришь,
 Иль в темноте оставишь лес
 И навсегда меня оставишь?»

Я видела прошедшей ночью
 Во сне, но будто бы воочью
 Тебя на троне золотом.
 Перед божественным судом,
 Перебирая струны лютни,
 Сам Аполлон Великий пел.
 Олимп божественно-безлюдный
 Ни звука обронить не смел.
 Но ты не слышал, ты не слушал,
 Нечеловечески страдал,
 И жалобу свою и душу
 Ты деве трепетной отдал.
 В пушистом красном оперенье
 Ты восседал, мой грустный гений,
 Среди бесчувственных богов –
 Душой у Критских берегов.
 Теперь ты здесь. Нашлась ли дева
 Твоей мечты в моём лице?
 Солярный шар венчает древо,
 Но корни глубже. На конце –
 Змеиный узел. Не напрасно
 Ты кадуцеем награждён,

И я совсем небезопасна –
 Ты символами побеждён...
 А в чувствах, в чувствах убеждён?»

Он ей ответил: «К вдохновенью
 Ещё не найдено ключей.
 Я обольщён по мановенью
 Меланхолических очей.
 Но я искал другие очи,
 Мечтал о них все дни и ночи.
 Но наша противоположность,
 Без объяснений верх и низ,
 Земли и неба непреложность
 И чувств великий магнетизм».

«Клянись в любви!» – змея просила.
 «Клянусь, что никакая сила
 Меня с тобой не разлучит,
 Против тебя не ополчит».

(Но, впрочем, что сказал Гермес,
 Не скреплено. Попутал бес,
 А он сказал. Но обещанье
 Забрать успеет в день прощанья.)

Они беседою престранной
 Благословили крепость уз,
 Со стороны казался странным
 Такой немислимый союз.

Легко, пыльцою спелых злаков
 Слова слетали верным знаком
 Доверья в первородной силе,
 О чём слова змеи гласили:

«Экстаз из паутины соткан,
 И нимфа-дева не видна.
 Жила она легко и кротко,
 Бродила здесь совсем одна.
 Её невидимые ступни
 Ступали по сырой земле...
 Чтобы сатиров взор преступный
 Не докучал, пришлось змее
 Спасать покой её покоя –
 Хотели фавны-рогачи,
 Силен, кентавры – люди-кони
 Её добиться – ловкачи.

Но я её красу закрыла,
Я сострадаю красоте –
Я шлейф невидимый носила.

Во всей красе и наготе
Предстанет только пред тобою –
Ты станешь, Бог, её судьбою,
Но только при одном условии –
Теперь заранее клянись
Исполнить всё без прекословий,
А там на берег обернись.

Я тоже женщина, клянись
Отдать мне первое соитье,
Передо мною преклонись,
Как пред любовью по наитью.

Я знаю свежим чувствам цену,
Познай и ты любовь-измену.
Измен не будет за тобой,
Пока её ты не увидишь,
А позмеившийся с другой
До первой страсти свет не взвидишь.
Измена – просто панацея...»
Она змеилась, извивалась
И обольстительной Цирцеей
К ногам Гермеса прижималась.

(Он мысленно молил змею:
Не превращай меня в свинью.)

– Верни мне молодость Коринфа,
Все свойства женские верни!
Люблю тебя сильнее, чем нимфа
Тебя полюбит. Отгони
Сомненье, муку, робость, скуку,
Невинность, верность той, другой,
Единственной любви докуку...
Упейся радугой-дугой.

Склонись ко мне. Твоих волос
Божественные ароматы
Волшебней роз, целебней рос...
Я женщиной была когда-то...
Невидимых ушей коснись
Неслыханной любовной клятвой,
От спячки для меня проснись,
Для радости бессчётно-кратной.

Румянец плавился на ней.
И, распаяясь всё сильнее,
Змея в глаза его дохнула
И будто полог отогнула,
Где спрятана была Она –
Тростинка, девочка, казалось,
Из туч ущербная луна
В зените неба показалась.

О сладкий сон.

То не был сон,
Поскольку сон богов – реальность.
Не случаем был занесён,
От мук безлюбия спасён
Пустившийся в такую дальность.

Он меж луною и змеёю
Змеинный кадуцей вознёс –
Не клятву он, а заклинанье,
Как завещанье в час прощанья,
Над страстной тварью произнёс.

Она пружиной извивалась
И горьким ядом заливалась.
Он видел только свет луны
И робкие цветы весны.
Не пели птицы, пчёлы пели.
Точился с губ прозрачный мёд,
Их ждут укромные купели,
В леса таинственный полёт.

А что змея? Что ей за дело
Со свойствами траву травить?
Её бесчувственное тело
Последней мукой, может быть,
Бесчувственно сторало насмерть.
Остекленевшие глаза
Прожгла кипящая слеза,
Горят зрачки, ресницы, веки –
Багровой мукою навеки
Теперь владеть обречена,
Не упокоилась она.

Глубокий жёлтый цвет вулкана
На нежно-лунном, грациозном
Разлился с силой океана
Спокойно, равнодушно, грозно.

Покрыв чешуйки золотые,
Посеребрённые сплетенья
И полумесяцы крутые,
И звёзды погрузил в затменьё.

Змея лишилась аметистов,
Аквамаринов, халцедонов...
Верёвкой, голой и нечистой,
Плыла со стоном по затонам.

Осталось жалкое уродство,
Но в ослепительной короне
Ещё сияло первородство
И превосходство в обороне.

Но коронованной змее
Смешно соперничать с громами –
Никто не может на земле
Стихию обуздать словами.
А горы в небе в шапках снежных,
А пепел серый и безбрежный,
И критский лес не услышали
Влюблённый глас:

«О, страстный, нежный...»

Все признаки змеи пропали.

* * *

Пропасть и сгинуть леги не могла –
Изысканно-змеиной ипостаси
Смерть не дана.

Скитаться без угла –

Не привыкать, а путь её прекрасен.

Она, как птица, критских берегов
Достигла необдуманном зигзагом,
Стихийно через пряности лугов,
через туманы неба беглым шагом,

Сбежав под кипарисовые кроны
Минуя пирамиды кедров горных,
Она, как ручеек, минует склоны
Под пеньё птиц, и богу непокорных.

Вот под ногами мшистая тропинка
Ведёт в прозрачайшее озерцо.
Спасенная в напастях пилигримка
В воде увидела своё лицо.

Её своё пленило отраженье,
За все несчастья, в страсти поражение
Она реванш решительный берёт –
Женой неотразимой отразилась,
Себе вернее верных наперёд
Нарциссов расцветавших появилась.
Душа змеи отнюдь не испарилась,
Но взгляд являл любовь,
покорность, милость.

Сам Люциус в тот миг её увидел –
Наездник колесниц, поборник схваток
Предстал пред нею
в выигрышном виде.
Змея была ещё не виновата.

Любимый сын болельщиков Олимпа,
Носитель лат и лаврового нимба,
Бессменный победитель на бегах
Любил себя и не смотрел на женщин,
Он ведал толк в языческих богах,
Был победитель – вышел пораженщик

Она невинно хитростью сразила
Зелёной юбкой многих менестрелей
И никаких залогов не просила.
Герой стрелой земной любви прострелен.

Невинной девы искушённый ум
Тогда не мог прийти ему на ум.

Он представлял блаженство –
не страданье,

Его бы не сдержали назиданья,
А что и как меняется местами,
Понятья не имел, когда перстами
Двусмысленно коснулся женских плеч.
Она училась в школе Купидона,
И лавровый веночек – его корона
Свалилась, чтоб к её ногам прилечь.
А ноги ей самой-то были внове –
Ей прежний вид попортил много крови.

Не догадался он, какой игре,
Отбросив вздорные ограниченья,
Он посвятился рано на заре,
Отдав змее мужское предпочтенье.

О, почему божественно субъект
Окраинною тащится дорогой?
В её мышление кроется ответ,
Повременим судить его с порога.

* * *

В змеином логове змея
Великолепно или странно,
Элизиум обременя
Своею сутью окаянной,
Была мечтательна. В волнах,
Где с волосами Нереиды
В жемчужный дом самой Фетиды
Она плывёт на всех порах.
Где Бахус осушает чаши
Под соком плачущей сосной.
И у Плутона в тёмной чаще,
В садах Аркадии родной,
У Мальсибера и Вулкана,
На дне реки и океана.

В её змеиной головёнке
Вместился город праздно-звонкий,
И тьма мистических мистерий,
Где ужас, смертные потери –
Всё, всё владения ея, –
Так мыслит юная змея.
Всеядная простёрлась юность
На тысячи бессрочных лет,
На всю бескрайнюю подлунность,
На весь солярный белый свет.

Люциус – юный коринфянин
На колеснице золотой,
В завидном праздном одеянье
Был безмятежен, как святой.
С лицом Юпитера бесстрастным
Он стал являться на пути,
Который знала распректрасно
Та Ламия. Прощай, прости,
Его невинность, непорочность.
Его галеру ветер нес.
Уткнулся перед самой ночью
В причальный камень медный нос,
Был якорь брошен в дно лимана,
А он сосуд для фимиама,
Быка окровавленный бок,
Треножник на себе волок.

И после пышных воскурений
И верноподданичьих рвений
Он знака ждал, собой доволен.
Дождался ли? Юпитер волен
Беззвучно выслушать его
И угождать его желаньям,
Но Люций Бога своего
Наверно, ублажил камланьем.
А вечер распаялся ранний.
Порой меж волком и собакой,
Верней – ночного мотылька,
Его могучая рука,
Управив парус и ветрило,
Ладью к причалу прикрепила.
Он шёл по травным берегам
Один без мысли или дела,
Отдавший богово богам.
Здесь его дева углядела.
Бездействует, но полагает,
Что он мистерией укрыт,
В пунцовой мантии зарыт,
И временно не достигаем.

И втуне пропадает шея
Белейшая, и острый взор,
Но страстно повторяет фея
Готовый к бою разговор,
И медлит... Вредно медлить долго,
Когда ты ждёшь отдачи долга.

Он в эру новую вступил
И к старости летел и плыл
Быстрее ладьи, быстрее птицы...
Страдает вечная юница.

Путь перед ней – свобода, вечность.
Он в силе будет краткий срок.
Есть в мире бытия конечность –
Бессмертному какой в ней прок?

Но Ламия своё возьмёт –
Мгновенье – вечности дороже,
Любовной страсти яд и мёд
Сошлись. Мороз дерёт по коже.

Шагает дева по пятам.
Мгновенье ловит в тёмной чаще...

– Пора. Я честь ему воздам,
Скажу: душа моя на части
В разлуке вся изорвалась...
(Душа и я – какая связь?)
Скажу: Орфей, я Эвридика,
Я здесь во тьме изнемогла,
О, не беги! О, погоди-ка!
Меня погубит ночи мгла...

Но только стон из уст исходит,
И Люций Ламию находит.
– О, где ты, дева? Что ты просишь?
– Мой первый! Люциус, не бросишь
Меня в таинственном лесу,
Как взглянешь на мою красу?

Стоял, как громом пораженный,
Любви не ведавший юнец,
Его блистательные жёны
Не соблазняли. Наконец
Впервые он обескуражен,
Но как герой он смел, отважен
И благороден. Говорит:
– Красавица, один твой вид
Меня низверг в пучину боли.
Какие хочешь, клятвы дам...
Любовь! Мой выбор доброволен,
Равновелик моим годам.

– Ты обо мне ещё не слышал?
– Не надо слышать, вижу сам
По ослепительным глазам,
Что сон случайный в руку вышел.
Я так Юпитера молил!
Он про тебя не говорил,
Но если даже ты наяда,
Всегда с тобою буду рядом.
Не исчезай из нашей тайны –
Я брошу мир к твоим ногам.
– Мне ноги колет дикий тальник.

Как мне скитаться по лугам?
Как мне утратить чистый воздух
И даже дикие цветы?
Мне в пыльном городе на роздых
Не хватит света, чистоты.
Останемся на том же месте,
Где встретились в лесу с тобой,
Пусть глас божественных известий
Соединит одной судьбой.

Юнец, испуганный до смерти,
Сознания чуть не потерял
В её волшебной круговерти
Отказа, слёз, любви, похвал.

Сильней всего его тревожил
Отсутствующий голос божий.

Он в чувственных противоречьях
Поник прекраснейшим челом,
Ему неясны девы речи –
А дева рвётся напролом.

В Коринфе, где она бывала,
Кадя Адонису травой,
И Люциуса наблюдала,
Других любила невпервой.

Но там её он не приметил.
Бывают чудеса на свете:
Он был сражён, он был влюблён
И первой встречной покорён.

Но было бы несправедливо
Её в расчете уличать,
Она уже его любила,
Но прошлое должна скрывать.

Да, прошлого премного было:
Она богов перелюбила,
Наездников, и рыбаков,
И юношей, и стариков.

В конце концов дала согласие,
Упомянула о богах,
И он её в Коринф на счастье
Унёс на собственных руках.

Прошёл он с нею девять миль,
Но ни о чём не догадался,
И так был ослеплённый мил,
Что на мгновение показался
Единственным. Почти любя,
Она его облобызала,
Но даже слова не сказала,
Ничем не выдала себя.
И, пребывая в напряженье,

Изображая дочь богов,
 Не выпуская из оков,
 Одним ударом пораженье
 Безжалостная нанесла –
 Убила словом и спасла.

Не говорила, только пела,
 С мирскою ложью преуспела
 И к новой бездне повлекла.
 Ещё не то она могла...

Пусть сумасшедшие поэты
 Поют о феях многи леты,
 О чистых девушках пещер,
 Лесов, озёр и водопадов...
 Простая человека дочь –
 Одна желанная награда.

Двойник предчувствий произнёс
 (Нельзя сказать: пришёл в сознание):
 «Простой ответ, простой вопрос
 Красноречивей волхованья».

Простой вопрос, простой ответ –
 Любовней, проще не бывает.
 Так прояснился белый свет
 И к брэнной жизни призывает.

Вот город, лязганье ворот,
 Цветов садовых приворот.
 Искрят бенгальские огни,
 Толпища с торжища глазают,
 И в замешательстве они
 Среди гуляк и ротозеев.

Коринф. По площадям имперским
 Гуляет всякий разный люд –
 От Бога к храмам богомерзким
 Толпою пёстрою идут.
 Богатый, бедный в час прохлады
 Довольный собственным укладом,
 Исшаркал камнем путь мощённый
 Подошвами на ремешках,
 Не в поле, в городе возвращенный,
 В коротких туниках-мешках,
 Свободен для любых деяний,
 Под колоннадами кружа,

Обжорств, питья, любодейний,
 Убийств, поджогов, грабежа...

Вдруг наш герой прикрыл лицо –
 Навстречу, попирая камень,
 С башкою гладкой, как яйцо,
 И бородою с завитками
 Философ шёл, ему знакомый –
 Адепт мистических законов.

Сказала Ламия: «Спеши!
 Уйдём, чтоб ты лицо не прятал.
 Кто этот старец, расскажи.
 Мы перед ним не виноваты,
 А ты прикинулся слепым.
 Опасна ли нам встреча с ним?» –

«Учитель мой и проводник,
 Философ храма Аполлона.
 Сегодня, кажется, старик –
 Апостол глупого закона.
 Губительный мой благодетель
 И прорицалища пастух,
 Оракул, говорит, как друг,
 Но за моих врагов радетель.

Плющом обвитый кипарис –
 О высшем учит – тянет вниз».

Так независимо и праздно,
 Толкуя о земных делах,
 Они служили сути разной,
 Раскованные в пух и прах.

Пришли к огромному строенью.
 Крыльцо, колонны в виде змей,
 Всё фосфор освещал гореньем...
 Жилище Люция пред ней.
 Отполирован пол, карнизы.
 И лампа света с потолка,
 Как в зеркале, светила снизу,
 Прикрученная на века.

Из недр змеиноного сатрапства
 Побег был тайною храним.
 Сегодня счастье и богатство
 Принадлежало только им.

Какие клятвы верности исторг,
Вчера ещё свободный, своенравный.

Победа бедной маленькой змеи
Была дороже неба и земли.
Как будто кожей сброшенной горело
Всё прошлое, всё глупое, вся злость,
Ведь Ламии впервые довелось
Достичь в любви законного предела.

Он истинного имени не знал,
Он ласковыми прозвищами звал
Свою любовь (зачем ей бранных имя?) –
Она богиня, фея, существо
Нездешнее, как смертных большинство.
И горд он был открытостью своими.

– Ты можешь выбрать свадебных гостей,
Тебе позволю тысячи затей,
На каждый час купи себе наряды.
Давай к себе весь город позовём,
Мы будем всё равно с тобой вдвоём.
Публично буду звать тебя Няяда.

– Я – Ламия. Зови, как нарекли,
Кто ныне, от поверхности земли
Отвергнуты, лежат в холодных урнах.
Там им не воскурят фимиам.
Возлюбленный, приличней будет нам
Не появляться в шествиях бравурных.

На пир ночной любого позови,
Но первый враг твоей-моей любви
Пусть не приходит. Не зови! Не надо!
– Кто это?
– Аполлониус – мудрец.
Он нам не брат, не сват и не отец,
И своемыслие его живёт без лада.

И трогательно под рукой его
Она свернулась утомлённо-спящей.
А наш герой не понял ничего,
Хотел он буйной свадьбы, настоящей.

И радостно пошёл сзывать гостей
Традиционно без своих затей
И, в упоенье счастьем непробуден,

Он не забыл, кого не надо звать.
Но Аполлонию чести прозевать
Не пожелал: «Без зова в гости будем».

Оставшись дома, Ламия встаёт
И слуг – не персов – а своих зовёт,
Они сползаются в мгновенье ока
И зал преобразуют гостевой
В зелёный садо-лес с живой травой,
Где змеевик вкраплён в отделку окон.

В прожилках мрамора извилистый узор
Змеиных молний убажает взор,
И зеркала взыграли облаками.
Кадильницы амброзией полны,
Светильник наподобие луны
И роговые кубки под руками.

Как будто оборвали все сады –
Лежат Диметры сочные плоды,
В зените в виноградных лозах Бахус,
И виноградный в воздухе настой,
Орнамент всех сплетений непростой –
Особый завивающийся ракурс.

Для всех венки. Невесте с женихом –
Из белых роз, сравнимых с молоком.
Чертополох, фиалки, мирты были –
Здесь всё разнообразие травы...
«Язык гадюки» – прозвище листвы –
На плешь софиста дружно угнездили.

Непринужденно продолжался пир.
Счастливый Люций думал: «Я – кумир!»
Держал её божественную руку.
Вдруг страшный холод жениха пронзил,
Едва-едва он не лишился сил,
Едва-едва он пересилил муку.

Но вдруг рука избранницы огнём
Пронзила до костей все жилы в нем,
И всех гостей как парализовало,
Последней лютни лопнула струна,
И мёртвая упала тишина,
Никто не убежит из-под завала.

Философ хладнокровно видел всё,
Но грозный взгляд направил на неё,

Вот-вот, казалось,
                                 рухнет без сознания...
 Он где-то видел, должен что-то знать...
 Уклад философа трактатами вещать
 Сейчас обузой был в его познаниях.

Глазные яблоки стремились из орбит,
 Он ничего ещё не говорит,
 Хоть был авторитетно знаменит...
 Ещё не вспомнил, но нависла стужа,
 Мороз сковал хозяев и гостей,
 В предчувствии ужасных новостей,
 Распростирался сам античный ужас.

– Я вспомнил, вспомнил,
                                 слушайте меня! –
 Он крикнул так, что дрогнула земля. –
 Невеста – Ламия – опасная змея.
 Сам оборотень,
                                 кобольд, пресыщенный
 Экстазом смерти с пеньем соловья
 И луноведенью
                                 астрально посвящённый.

Уйди сейчас с дороги мерзкий сон –
 В лице твоём безжизненная бледность.
 Ты разоблачена – какой резон –
 Тебе здесь быть,
                                 когда обман и вредность
 Бессильны посвященных соблазнять,
 Придётся поражение принять.

Глаза нам покажи.
                                 Запавший взгляд
 Не значит ли что пять минут назад
 Ты спрятала глаза в своей ладони,
 Но хочешь нас уверить –
                                 взгляд бездонен.

Она не зрит телесными очами –
 Несёт в руке, но видит за двоих,
 Во мраке непроглядными ночами
 Она в глазницы возвращает их.

Я потрясён.
                                 Животный магнетизм
 Твоим деяньям верная порука –

Ты с неба Люция стащила вниз –
 В твоих краях – болотина и скука.

Я вычитал по звёздам и луне
 И пропишам гермесовых мистерий,
 Что ты сама придёшь на казнь ко мне,
 Дабы больней казнить меня потерей.

Как Люциус – мой лучший ученик
 Попал на твой раздвоенный язык?
 Ты жалила безжалостно стрелой,
 Ты воронов звала на смертный пир,
 Ты лаврами покрытой головою
 Обманывала весь подлунный мир.

Что тебе скверна?
                                 Что почёт и трон?
 По шкуре стрелы, вороны и лавры –
 Такие знаки носит Аполлон –
 Бессмертный бог, а он тебе не равный.

Но смертный Люций выбрал из наяд,
 Зачем не притушил влюблённый взгляд
 И выпил весь твой сладострастный яд.
 Он, как Гиперборейский Аполлон –
 Его приоритет меж нас бесспорен,
 Но ради вдовства, пышных похорон,
 Смерть – твой конь Блед –
                                 для скорости прищпорен.

Тут Ламия с молчаньем распрощалась,
 Прилюдно на прощанье провещалась:

– Ты мнишь себя
                                 веззнайкой посвящённым,
 Схоласт, софист и мистик лжеучёный.
 Ты, обоудный злобный старикан,
 Зачем пришёл из жизни позапрошлой,
 Ревнивец гордый
                                 и развратник пошлый...
 Оспорь при всех!
                                 Ударим по рукам!

Ты Люциса к своей былой змее
 Ревнуешь на озёрном побережье.
 Плачевный опыт берегу, зане
 Врагу любви не пожелаю прежней.

Змею ревнуешь к Люцису? Окстись!
Тут смертью пахнет.

Уходи! Смирись!

Не ты ли амулетом Аполлона –
Стрелой – украсил мой змеиный лоб,
У Ариадны выкрал мне корону,
А Люцису готовишь ранний гроб?

Я столько шкур сменяла ежегодно.
Я жалу? Да. Жалеть я непригодна.
Спасибо, ритор, славно одолжил,
И ныне, покидая эту местность,
Я в пустоту спускаюсь
и безвестность –
Мстить и губить людей по мере сил.

Софиста взгляд – острейшая стрела
Пронзила Ламию. В мгновенья уползла
Змея под пол в невидимую дверцу,
Но всё-таки успела проклянуть
Весь мир подлунный, раздирая грудь,
Гостей шипеньем проняла до сердца.

Хозяин молвил: «Был я одиноким,
Пока не повстречал моей змеи,
Неотвратимо наступают сроки –
Уснуть без сновидений сном земли».

И весь разор без чувства оглядел,
Отяжелевшие упали вежды;
Он лёг на одр и в миг охолодел,
Завёрнутый в пунцовые одежды.

Перевод с английского Татьяны Фроловской

В октябре 2017 года отмечают:

90-летие

Еркинбек ТУРЫСОВ, прозаик

80-летие

Шамшиден АБДИРАМАН, прозаик

70-летие

Шарбану БЕЙСЕНОВА, прозаик
Кайырды НАЗЫРБАЕВ, поэт, прозаик
Гульжаухар СЕЙИТЖАНОВА, поэт

60-летие

Есенгали РАУШАНОВ, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Я, нижеподписавшаяся, хочу сообщить читателю некоторые сведения о том, почему, получив в 1966 году в подарок небольшую книгу стихотворений Джона Китса на английском языке, с предисловием и комментарием Владимира Рогова, не отхожу от неё до сегодняшнего дня и никак не могу исчерпать впечатление от третьего великого английского поэта в ряду: Байрон, Шелли, Китс.

В книге не было поэмы «Ламия», но исследователь и переводчик Китса упомянул написанную в последний год жизни поэта поэму «Ламия» – самую загадочную и странную, аллегорическую, иносказательную. Какая аллегория, какое иносказание?! Мне хотелось взяться сразу за эту поэму, но... Пока дети состоятельных родителей занимались с учителями иностранными языками, я упивалась среднеуральским диалектом моей бабушки. Она рассказывала сказки на таком русском языке, что мне приходилось для пересказа переводить его в разговорный аспект современной городской речи.

Я ещё не знала, как богаты бабушкины присловья дополнительными смыслами, что это богатство пригодится мне в жизни. Одновременно я изучала английский язык в школе, где на базе четырёхсот слов надобно было выучить всю грамматику английского языка и уметь правильно объясниться на английской улице или в магазине. Пока я даже не помышляла об «английской улице».

Получив Академический толковый словарь русского языка в семнадцати томах на сто двадцать тысяч слов, я убедилась, что знаю не менее ста тысяч. Но когда получила книгу Китса, то это преимущество и торжество омрачалось тем, что я измучилась от недостаточного знания английских слов. Разрыв был велик. Для перевода я выбрала небольшое стихотворение «Кузнечик и сверчок» – со словарём перевела название.

Тема «Кузнечик и сверчок» была предложена Ли Хантом – основателем «Кокнишколы» для 15-минутного состязания молодых поэтов – «лондонских романтиков». Какой тут труд? Кузнечики пели в нашем палисаднике, сверчок зимой жил за печкой, и все говорили, что он стрекочет о выселении из дома (примета такая). Я написала стихотворение на эту тему менее чем за 15 минут. Как победитель по времени, захотела прочесть, что же там у классика особенного. Я принялась за словарную работу, составила словарик и добралась до смысла конкурсного стихотворения.

Больше всего понравилось название «кокни-школа», что означало «простонародная школа». Иногда о кокни-поэтах говорили: «чернь», это понравилось меньше. Я же знала, что прародитель литературного языка – простонародный язык. Своим простонародным языком я перевела стихотворение Китса. Так как я была автор, переводчик и судия, я сравнила два стихотворения и поняла: они выдерживают сравнение – получился диалог.

Теперь информация об английском романтике, прожившим жизнь короче лермонтовской – 25 лет, ловила меня на каждом углу: в библиотеках, в толковых словарях, в истории английской поэзии, в переводах Пастернака, Маршака, Левика и многих-многих других. О, восторг дремучей необразованности перед библиотечными шедеврами. Пастернак назвал это время «квадратом дистанции». Недавно я узнала, что это такое. «Юноша, проживёшь с моё, тоже узнаешь». Когда берёшь книги в читальном зале охапкой до подбородка, а вечером возвращаешь, как условно прочитанные, потому что «новые» – от античных времён до Джона Китса включительно – прячутся от тебя за библиотечной стойкой, а работники библиотеки снуют туда-сюда по твоим заказам и, чем интенсивней они двигаются, тем с большим ужасом думаешь: «Я ещё ничего не читала».

Из того времени сентенция Бальмонта: «Зеркало в зеркало, сопоставь две зеркальности, и между ними поставь свечу. Две глубины без дна, расцвеченные пламенем свечи, самоуглубятся, взаимно углубят одна другую, обогатят пламя свечи и соединятся им в одно. Это образ стиха». И вдруг наудачу: в тот же день открытый Фет:

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет – и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шею белою
Плавает, давит меня!

Ну, как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну, как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня – сгинь, пропади!

И вдруг, не в тот же день, и уже ощущая себя переводчиком Китса, вычитываю роковые строки в книге «Доктор Фаустус» Томаса Манна о том, что гениальный композитор Леверкюн написал музыку на «Оду к меланхолии» и «Оду к соловью» на английском языке. Здесь был, важнее перевода на немецкий, принцип – «Музыка в музыку...», которую не исполняли из-за претыкания языков. Но это уже композитора не волновало.

Как далеко я отстояла от этого прозрения.

Между тем, перевод Китса на русский язык представлял собой грандиозную индустрию, но я не раздумала влиться в огромное сообщество. Почти невозможно было встретить поэта, кто не переводил бы Китса на русский язык и не спросил самолюбиво: «И вы?» Искать среди переводчиков Китса – единомышленников, рассчитывать на сочувствие или внимание оказалось делом напрасным: никто не желал вступать в диалог, каждый собеседник оставался самодостаточным.

Однако у меня такой уверенности всё-таки не было.

Я нашла непереведённое к тому времени произведение Китса – поэму «Ламия». Сочинена она в предпоследний год жизни английского поэта. В последний – он уже не писал стихов.

По мнению многих исследователей, Джон Китс – самый популярный поэт в Англии. Но оказалось, что и самый востребованный переводчиками английской поэзии. Не только русскими.

Почему?

Выбирая поэта для перевода, Маршак перевёл несколько стихотворений Китса. Всё же для монографических переводов выбрал сонеты Шекспира и лирику Бёрнса. Вильям Блейк – третий поэт для такого же монографического выбора. Невидимая миру работа заняла сорок лет труда. Знаменитый мастер знал некую тайну ма-

стерства перевода, и Блейк явился пробой пера, камертоном и тайной любовью. С ней великий переводчик не торопился расстаться, не спешил обнародовать самое сокровенное.

К 1969 году я перевела 65 стихотворений Китса. Три года работы казались мне исчерпывающим сроком. Мысль показать переводы хотя бы одному читателю созрела, и мои трёхлетние старания попали в суровые руки одного отличного специалиста по английской литературе. Я получила головомойку в такой культурной и доказательной упаковке, что мне в голову более не приходило соваться к авторитетам за поддержкой.

Ещё три года работы (!) напугали меня на пару дней, и я стала искать новый ключ и новые подходы. Не гналась за количеством, а выбирала то, что было ближе. Так написались стихотворение «Кузнечик и сверчок» и цикл «При музыке» из пяти стихотворений: переводы «Оды к меланхолии», «Оды к соловью» Китса и три, написанных мною. И поняла я, мой ключ – это диалог с иноязычным поэтом.

Ольга Седакова прочла в ИМЛИ на Пастернаковских чтениях свой перевод сонета «Кузнечик и сверчок», а потом на эту же тему своё стихотворение – строк сорок. Не знаю, как другим переводчикам, но мне этот приём был так понятен, так заразителен со времён состязания, придуманного Ли Хантом для английских молодых романтиков.

Одна аспирантка Тихона Хренникова сочинила музыку на мой цикл «При музыке» и записала на несколько дорожек магнитофона в 1982 году. Я не называю её имени, потому что потеряла с нею связь и не могу спросить разрешения. Так вот, партию Китса исполнял самый знаменитый контр-тенор, он тогда учился в Московской консерватории, а за меня пела ученица Зары Долухановой с богатым «меццо-сопрано», уходящим в контральто. С таким неосвязаемым подарком я живу по сей день.

Перевод поэмы «Ламия» претерпел неоднократные переделки, она была для меня камертоном, как Блейк для Маршака. В оригинале Китса 700 строчек, а в переводе 1000. Диалог переводчика с поэтом запрятан в трёхстах неавторских строчках.

Все стихотворения Китса, переводы которых решила обнародовать, это произведения конца жизни английского классика. Так получилось произвольно, я выбрала интуитивно то, что было внятно, как Лермонтов и Пушкин. Кстати, в домашней библиотеке Пушкина, в последней квартире поэта, есть первое посмертное издание поэм и стихотворений Джона Китса. Точно такое же мне прислали из Шотландии. По нему и переводила «Ламию».

Меня заворожили определения «иносказательная, аллегорическая поэма». Сорок лет я разгадывала аллегории и иносказания. Вот мои размышления обо всём этом.

Отец Китса умер довольно рано. В осиротевшей семье остались дочь и три сына. Китсу было пятнадцать лет, когда от туберкулёза умерла мать. Эта болезнь не миновала и Джона Китса, хотя временами он полагал, что излечился. Неизлечимый недуг поэт воспринимал как редкую привилегию, отличавшую его от простых смертных, как божественный призыв к поэтическому творчеству. В 1818 году Китс и его возлюбленная Фанни Брон были помолвлены, но свадьба откладывалась из-за тяжёлого материального положения.

Только оно стало налаживаться, как в конце этого же года от того же недуга умер младший брат поэта – Томас. У самого Джона Китса начался рецидив, и врачи предложили ему уехать в Италию, поскольку человеку, больному туберкулёзом, выжить в туманном Лондоне было невозможно. Но он не выжил и в Италии.

Китс на всё смотрел здраво и, решив не обременять свою единственную любовь, предложил расторгнуть помолвку. Некоторые источники прямо говорят, что расторжение состоялось. И вот перевода «Ламию», я предположила, что бессмертная змея – возлюбленная автора – свела его в могилу. Позднее мне стало известно, что критика беспощадно высмеяла вторую книгу Китса. В «Паломничестве Чайльд-Гарольда» есть две строчки, указывающие на вину журналистов, нападавших на поэта. Третья книга вышла в год его смерти, и здесь началось народное признание его таланта. Байрон ещё напишет после смерти Китса: «Он обещал нечто Великое».

Александр Вячеславович Покидов – переводчик и исследователь поэта – написал: «Китсову «Оду к соловью» можно читать каждый день, всякий раз не желая ничего более великого». Пришлось мне броситься на злобных журналистов, которые предлагали Китсу «запасаться компрессами», то есть издевались не только над великими текстами, но и над болезнью поэта.

А Фанни Брон оправдана. Девушка категорически отказалась расторгать помолвку, и возлюбленные переписывались до последнего дня жизни Китса.

И вдруг я поняла, что Ламия – не человек, а болезнь, с которой он борется и которую... страстно любит, или даже принадлежит к сообществу избранных. Вот это очень сложная коллизия. Поражают торжественные последние стихи великого романтика о переходе от жизни к смерти, его полное самообладание перед концом, когда он сказал другу – Джону Сиверну, не отходившему от него в Италии: «Не волнуйся, я умру тихо». И умер так тихо, что это последнее мгновение осталось незамеченным. Более того, Китс сам сочинил эпитафию скромного надгробия: «Здесь лежит человек, чьё имя написано водой». Иногда переводят «на воде», но это ошибка. Именно «водой».

Загадка... А «написано на воде» – затёртый штамп.

Необходимо сказать об образах поэмы «Ламия».

Романтик Китс любил античную литературу. Об этом говорят его многие стихи и в особенности блистательная «Ода греческой урне». Правда, поэт не знал ни греческого, ни латинского языка – это его стесняло. В «Ламии» он использует греческую и римскую мифологию как нечто единое. Кстати, и в стихах Пушкина встречаются в Греции – Юпитер, в Риме – Зевес. Иногда Китс вводит персонаж из «Сна в летнюю ночь» Шекспира в статусе олимпийского божества – Оберона. Это – герой западноевропейского эпоса XIII века. Позднее встречается в произведениях Джеффри Чосера, Эдмунда Спенсера и других английских поэтов. Не буду больше указывать на некоторые несоответствия. Для замысла Китса они не имеют решающего значения.

Комментировать построчно? Очень хочется, но не буду.

Татьяна ФРОЛОВСКАЯ

